

Я. Л. Забудская (Москва)

«ГРЕЧЕСКОЕ» И «РИМСКОЕ»
В «СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ПЛУТАРХА

Сопоставление «греческого» и «римского» — это, собственно, одна из основных задач «Сравнительных жизнеописаний». Однако впрямую эта тема рассматривается редко (возможно, в силу кажущейся очевидности), а если она все-таки затрагивается, то чаще всего в ракурсе «Рим у Плутарха» (с рассуждениями о знакомстве Плутарха с латынью, рассмотрением его гражданской службы и — совсем редко — упоминанием его полного «римского имени: *Lucius Mestrius Plutarchus*) (Stadter 2014: 15; Аверинцев 2004: 278). Историко-литературный контекст творчества Плутарха позволяет рассмотреть тему «греческого» и «римского» в «Сравнительных жизнеописаниях» и с точки зрения предшествующей литературной традиции, однако в рамках данной работы мы рассматриваем тему именно в аспекте «внешнего» восприятия Плутархом греческой и римской культуры.

Отношение Плутарха к Риму демонстрируется уже в первом из сошедших до нас произведений автора — «Об удаче римлян» (*Περὶ τῆς Ρωμαίων τύχης*). Эта работа, написанная в первой половине 60-х годов I в., представляет собой, по-видимому, ученическую декламацию на довольно популярную тему и важна именно потому, что формирует ту систему взглядов и подходов во взаимоотношениях Греции и Рима, которая найдет потом отражение в «Римских вопросах» и в отдельных биографиях «Сравнительных жизнеописаний». Плутарх соединяет здесь греческую концепцию Удачи, способствовавшей взлету Рима, с римской концепцией Доблести. При этом он не противопоставляет греческую и римскую традиции, показывая, что поклонение Удаче свойственно римлянам не меньше, чем грекам (заметим, что некоторые примеры Удачи будут потом подвергнуты критике — например, содействие Нуме нимфы Эгерии в соответствующей биографии («Нума» 8) Плутарх представляет не как свидетельство Удачи, а как умелую интригу

героя); в целом цитаты из греческих авторов, привлеченные в рассказ о римском герое, сопоставление греческих и римских именовании богов, понятий и явлений, перечисление (без различений) греческих и римских традиций создают впечатление о греко-римской культуре как цельном и неделимом континууме.

Плутарх не поддерживает филэллинство эпохи Антонинов декларативным превосходством греческой культуры и традиций над римскими — возможно, потому, что в его эпоху границы «греческого» уже размыты и большинство писателей и риториков позднего эллинизма происходят из восточных провинций (Дион Хризостом и Дион Кассий — из Вифинии, Элий Аристид — из Мисии, Аппиан, Полидевк и Афинея — из Египта) и по этническому происхождению не являются «эллинами» даже в расширенном понимании эллинистической эпохи (например, кельт Фаворин и сириец Лукиан). Лояльное отношение Плутарха к Риму — общеизвестный факт, он говорит о римских традициях «с такой охотой, как едва ли кто-нибудь из греческих авторов его эпохи» (Аверинцев 2004: 279). Этот изначальный баланс «греческого» и «римского» — одно из проявлений уравновешенного отношения к миру, в целом свойственного мировоззрению Плутарха (Аверинцев 2004: 292).

В «Сравнительных жизнеописаниях» картина предстает более сложной. Цель этой работы (точнее, работ — хронология и соотнесенность отдельных биографий остаются предметом дискуссий) можно сформулировать как сравнение двух культур через их ключевые фигуры. При кажущейся простоте задачи ее реализация демонстрирует нам сложную систему взглядов и представлений, что объясняется и объемом текста, и длительным временем создания, и, в не меньшей мере — самим методом автора: Плутарх очевидно приспосабливает принцип изложения к личности героя.

В концепции *Bioi parállhloi* пары героев дополняют друг друга или противопоставляются — в том числе на основании культурных различий. Плутарх показывает либо сходные доблести в различных исторических обстоятельствах, либо сходство судеб при различиях в характере. При этом положительно оцениваемые характеры и поступки — греческие или римские — всегда схожи, а вот критический подход выделяет индивидуальность. Интересно, что эксплицитно «отрицательная» пара (Деметрий» 1) — Деметрий и Антоний — одновременно не соответствует дихотомии «греческое» / «римское»: история Деметрия названа «македонской драмой», а судьба Антония, «драма», заявлен-

ная как «римская» («*Διηγωνισμένον δὲ τοῦ Μακεδονικοῦ δράματος, ὅρα τὸ Ῥωμαϊκὸν ἐπεισαγαγεῖν*», «После того, как разыграна македонская драма, пора начинать римскую», «Деметрий» 53), разворачивается в декорациях эллинистического Египта, и тиранические наклонности героя, как и его «восточные» привычки, создают впечатление его отчуждения от римских доблестей. Заметим, что деление на «греков» и «римлян» не обязательно рассматривать антитетически: классическое деление на «эллинов» и «варваров» перестало быть актуальным в эпоху господства Рима; вдобавок оно было осложнено концепцией происхождения римлян от троянцев и особой ролью Македонии (Bréchet 2008: 85–110).

Стремление к уравновешенности проявляется и в подборе героев: мы видим цельную картину греко-римского прошлого, где полисной Греции соответствует республиканский Рим, на фоне которых очерчиваются фигуры представителей «индивидуалистически организованного мира» (Аверинцев 2004: 393) — Александра и Цезаря; в качестве особой группы выступают борцы против единовластия, как римские, так и греческие: Дион, Тимoleon, Брут, Катон Старший. Пример особого баланса — пара Фламинин / Филопмен: «последний эллин», «враг и недоброжелатель римлян», уравновешивается фигурой борца с Филиппом Македонским, стремившегося приобрести расположение греков и предоставившего им независимость от имени римского сената («Тит Фламинин» 9, 10).

Интересен и принцип использования литературного контекста, и дело даже не в легко объяснимом и вполне ожидаемом преобладании цитат в рассказах о греческих героях и информативной функции, зачастую отличающей их от декоративности немногих цитат в биографиях римлян. В некоторых «Жизнеописаниях» персонаж биографии выступает как герой драмы, а перипетии его судьбы описываются посредством драматической структуры (*deus ex machina*, чередование «эпизодиев» и «стасимов» (краткой характеристики «фоновых» событий и моральной оценки)): это, например, «Кориолан». Похожей «драматической структурой» — чередование «крупного плана» и лиро-эпических частей, ключевая сцена, драматическая в обоих смыслах слова — отличаются также «Цезарь» и «Брут». Примером прямой драматической аналогии является финал биографии Красса — драматический контекст (буквальная репостановка «Вакханок», именование похода Красса «трагедией» — *ἐξῴδιον τὴν Κράσσου στρατηγίαν ὡσπερ τραγωδίαν τελευτήσαν*), «Красс» 33) эксплицитен и очевидно формирует нарратив. Таким

образом, если греческих героев литературный контекст окружает, римляне скорее становятся его частью.

Наиболее наглядный материал в вопросе сопоставления «греческого» и «римского» представляют, безусловно, синкрисисы — сравнения, которые сопровождают большинство парных биографий. Здесь ярче всего проступает оценочный подход — следствие морализма Плутарха. С одной стороны, и в синкрисисах он стремится к балансу, что особенно ярко проявляется в заключении сопоставления Фламинина и Филопемена: *«Ἐπεὶ δὲ οὕτως ἐξεταζομένων δυσθεώρητος ἡ διαφορὰ, σκόπει, μὴ τῷ μὲν Ἑλληνι τὸν ἐμπειρίας πολεμικῆς καὶ στρατηγίας στέφανον, τῷ δὲ Ῥωμαίῳ τὸν δικαιοσύνης καὶ χρηστότητος ἀποδιδόντες οὐ φαύλως διαίτῶν δόξομεν»* («Пусть читатель судит сам, не сделаем ли мы ошибки, если присудим греку венки за военное искусство и талант полководца, а римлянину — за справедливость и сердечную доброту», «Тит Фламинин» 24 (Сопоставление 3), перевод Е. В. Пастернак). С другой стороны, здесь «греческое» и «римское» оказывается в противопоставлении и проявляется различие в отношении к ним Плутарха. Например, в сопоставлении Алкивиада и Кориолана наиболее «драматичный» (во всех смыслах) поступок Марция Плутарх осуждает, явно не учитывая и не понимая отличий в отношении к роли женщины в обществе у греков и у римлян: *«Χαρίσασθαι τῇ μητρὶ τὴν ἀναχώρησιν, οὐ τῆς μητρὸς ἦν τιμὴ, ἀλλ' ἀτιμία τῆς πατρίδος, οἴκτῳ καὶ παραιτήσει διὰ μίαν γυναικᾶ σφωζομένης»* («Снять осаду в угоду матери было не честью для матери, а бесчестьем для отчизны, спасенной жалобными просьбами одной женщины», «Алкивиад» 43 (Сопоставление 4)); точно так же он не видит разницы между греческим отношением к «народу» и римским — к «плебсу». В биографии того же Марция, хоть и имплицитно, выражено коренное отличие греческой культуры и традиции, определяющее характер героя и, в конечном итоге, его судьбу, — это «пайдейя», система воспитания, которая отсутствовала у Кориолана, а также, например, у Гая Мария («Марий» 2). Впрочем, у римлян ее вполне могут заменить «законы отечества» (*«ὅπῃ τῶν νόμων καὶ τῆς πατρίδος»*, «Тимолеонт» 41 (Сопоставление 2)), как это было с Эмилием Павлом.

Таким образом, по каким бы критериям ни проводилось сопоставление, результатом оказывается баланс положительных и отрицательных черт каждой из сторон. Однако греческие доблести и достижения отнесены в прошлое, римские — устремлены в будущее, что видно в синкрисисе Перикла и Фабия Максима («Фабий Максим» 30 (Сопо-

ставление, 3)). Указывая на расхождения в частности, в целом Плутарх видит много сходства между Римом и Грецией (точнее, между Римом и Афинами), пытаясь найти в том числе ответ на вопрос, почему взлет Афин оказался столь кратким, в то время как господство Рима — столь долгим и прочным.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 2004 — *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография // Аверинцев С. С. *Образ античности*. СПб.: «Азбука-классика», 2004. С. 225–278.
- Bréchet 2008 — *Bréchet Ch.* Grecs, Macédoniens et Romains au «test» d'Homère. Référence homérique et hellénisme chez Plutarque // *The Unity of Plutarch's Work. 'Moralia' Themes in the 'Lives', Features of the 'Lives' in the 'Moralia'*. Edited by Anastasios G. Nikolaidis. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. P. 85–110.
- Stadter 2014 — *Stadter Ph. A.* Plutarch and Rome // Mark Beck (Hrsg.): *A Companion to Plutarch*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2014. P. 13–31.